

Глава 4. Простите мою дерзость

Обычно Бянь Му проводил дни в этих покоях. Вот и сейчас он лежал на постели, но сон не шёл к нему.

Бянь Юй, его старший брат — разница между ними составляла всего три месяца, — в очередной раз умудрился подкинуть ему хлопот.

Несколько дней назад этот смутьян устроил дикий погром в башне Хайхуа, после чего его без лишних церемоний упекли под стражу.

Вызволить брата Бянь Му мог бы одним щелчком пальцев — достаточно было замолвить слово перед властями. Но по какой-то неведомой даже ему самому причине он отдал совершенно иной приказ.

Запретить выпускать Бянь Юя на свободу. И никого к нему не пускать.

А ведь когда-то именно старший брат впервые привёл его в эту башню Хайхуа.

Всю ночь Бянь Му ворочался с боку на бок. В родном поместье ему никогда не спалось спокойно — любой шорох, малейшее движение заставляли его мгновенно пробуждаться.

Едва наступил час пятой стражи, Бянь Му уже был на ногах. По заведённой привычке он вышел в сад на утреннюю тренировку.

Закончив с завтраком, он кликнул Ча Су и направился к городским казематам.

— Госпожа! Госпожа У! — испуганно завопила служанка, вбегая во двор.

В покоях раздался звон разбитого фарфора, а затем глухой стук — кто-то из слуг торопливо повалился на колени.

— С утра пораньше голосишь! Оглушить меня вздумала?! — сердито прикрикнула госпожа У.

— Го-госпожа... Его Высочество... — заикаясь, пробормотала служанка.

— Говори живее!

Госпожа У и без того проснулась не в духе, а уж помянутое имя пасынка и вовсе лишило её остатков терпения.

— Его Высочество... он направился в темницу.

— Что?! — Госпожа У так и подскочила на постели.

— Клянусь, я сама... сама слышала, как Ча Су договаривался с кучером! — Девушка задрожала ещё сильнее, вжимая голову в плечи.

— А зачем? Зачем он туда поехал, знаешь?!

— Этого мне неведомо, госпожа...

Госпожа У смерила её яростным взглядом и наотмашь пнула ногой:

— Пошла вон, дрянь бесполезная!

Несчастливая покатилась по полу. Сжав зубы от острой боли в груди, она кое-как поднялась на ноги и, глотая слёзы, поспешно попятилась к выходу.

Для здешней прислуги подобное обращение давно стало привычным делом. На телах бедных девушек живого места не оставалось от вечных синяков и кровоподтёков.

Исключением была лишь У Цюян.

— Сестрица, присядь, не волнуйся так, — мягко проговорила У Цюян, бережно усаживая разгневанную женщину обратно на край кровати. Она ласково улыбнулась. — Я сейчас же обо всём разужнаю. Не переживай, раз Его Высочество отправился туда лично, значит, точно решил освободить нашего старшего молодого господина.

Она тоже была дочерью рода У, но родилась от безвестной служанки. Лишь ценой собственной жизни её мать смогла выкупить для дочери право носить эту фамилию.

— Иди же, скорее! — нетерпеливо прикрикнула госпожа У.

У Цюян не заставила себя ждать и поспешно выскользнула за дверь. Разумеется, расспрашивать слуг она и не собиралась — ей просто нужен был повод уйти.

Завернув за угол, она направилась напрямик в каморку прислуги, где ютилась давешняя избитая служанка.

— Как ты? Сильно болит? — тихо спросила У Цюян, присаживаясь рядом.

— Спасибо за заботу, сестра Цюян. Я в порядке, — испуганно пролепетала та, судорожно пряча за спину склянку с дешёвой притиркой.

Хоть У Цюян и носила простое платье, мало чем отличаясь от обычной прислуги, в поместье все прекрасно понимали: эта девушка — птица совсем другого полёта.

— У сестрицы скверный нрав, но вы уж не держите на неё зла, — со вздохом произнесла У Цюян, и она помрачнела от искреннего сожаления.

— Ну что вы, сестра Цюян, правда, всё хорошо. Нам не привыкать, кожа у нас крепкая.

— Вот и славно. Тогда я пойду. — У Цюян поднялась, но на мгновение задержалась. — Постойка. Возьми вот это, очень хорошая мазь. — Она вложила в руку служанки изящный, явно дорогой флакончик.

— Спасибо вам, сестра Цюян! — прошептала та со слезами благодарности на глазах.

Подходя к городским казематам, Бянь Му ещё издали почувствовал, как в ноздри бьёт тяжёлый, удушливый запах застоявшейся крови.

— Неужто в здешних застенках всегда так несёт резнёй? — поморщился он.

— Так точно, Ваше Высочество, — почтительно отозвался Ча Су.

Прижав к носу надушенный платок, Бянь Му шагнул под мрачные своды. Благодаря его личному распоряжению Бянь Юя упекли в самую дальнюю, глухую одиночную камеру.

При виде брата Бянь Му невольно усмехнулся: от бывшего лоска первого столичного щеголя не осталось и следа. И пусть на Бянь Юе не было заметных увечий, его жалкий, оборванный вид вряд ли позволил бы кому-то узнать в этом узнике старшего наследника Поместья принца Луаня.

— Бянь Му?! — воскликнул Бянь Юй, завидев его ещё из глубины коридора. — Немедленно вели открыть решётку! — взвыл он, вцепившись побелевшими пальцами в железные прутья и уставившись на брата налитыми кровью глазами.

Бянь Му остановился поодаль, лениво оглядывая беснующегося пленника. Он не произнёс ни

слова, не сделал ни единого шага навстречу.

— Живо выпусти меня, ты слышишь?!

— Я гляжу, братец, ты полон сил и здоровья, — лениво отозвался Бянь Му, небрежным взмахом веера пытаюсь разогнать удушливый смрад. — Видно, тюремная похлёбка тебе только на пользу пошла.

— Заткнись! Клянусь, когда я выберусь отсюда, тебе несдобровать!

— Что ж, раз у тебя ещё полно спеси, посиди-ка здесь ещё немного. — Бянь Му развернулся на каблуках. — Ча Су, уходим.

Оставив беснующегося брата сотрясать решётки бесполезными проклятиями, они покинули темницу.

Оказавшись на улице, Бянь Му жадно хватал ртом прохладный воздух, но ему всё равно казалось, что его одежда и кожа насквозь пропитались этим омерзительным кладбищенским духом.

— Ваше Высочество, а как быть с господином Бянь Юем? — осторожно поинтересовался Ча Су.

— Он бодр и весел. Пусть посидит ещё дня три-четыре.

Больше всего на свете Бянь Му сейчас хотелось смыть с себя эту грязь.

Он отказался от кареты — мысль о душном закрытом экипаже вызывала у него тошноту. Оседлав коня, он пустил его шагом и сам не заметил, как дорога вывела его к дверям башни Хайхуа.

— И как меня сюда занесло? — пробормотал он, глядя на знакомую вывеску.

Впрочем, раз уж приехал, почему бы не воспользоваться случаем? В башне Хайхуа у него всегда были наготове чистые покои и сменная одежда.

Скинув пропахшие казематами шелка, Бянь Му с наслаждением погрузился в горячую воду.

"В народе о нём ходили жуткие слухи: шептались, будто молодой принц Луань — безжалостный палач, проливающий кровь без тени сомнения. Но правда была куда прозаичнее. Бянь Му всей душой презирал насилие и за всю свою жизнь не зарезал даже курицы, не говоря уже о человеке"

Прислонившись затылком к краю дубовой бочки, он прикрыл глаза и сам не заметил, как провалился в глубокий, безмятежный сон.

— Ваше Высочество? Вы здесь? — негромко позвал Юйчи Ган, робко топчась за узорчатой ширмой с двумя тяжёлыми ведрами горячей воды.

Вообще-то принести кипятку собирался старейшина Дин, но у старика так некстати прихватило поясницу, и Юйчи Гану пришлось заменить его.

Не дождавшись ответа, он осторожно подал голос:

— Ваше Высочество, я лишь подолью тёплой воды...

Тихо, стараясь не шуметь, он проскользнул за ширму. Бянь Му сидел спиной к нему. Юйчи Ган видел лишь безупречные изгибы его широких плеч и мокрые тёмные пряди волос, рассыпавшиеся по лопаткам.

— Простите мою дерзость, Ваше Высочество, — прошептал юноша.

Зачерпнув ковшом кипяток, он принялся тонкой струйкой подливать его у самого края кадки, стараясь не плескаться, и лишь тогда заметил, что принц спит.

Бянь Му лежал, откинув голову на дубовый ободок, веки были плотно сомкнуты, а между идеальными бровями залегла едва заметная, усталая складка.

Юйчи Ган замер с деревянным ковшом в руке.

Он уже очень, очень давно не видел его так близко. Когда этот грозный человек спал, его лицо казалось удивительно мягким... и невероятно красивым.

Опустив ковш, Юйчи Ган опёрся свободной ладонью о влажный край бочки и замер, не в силах отвести взгляда от спящего лица.

Сердце забилось чаще. Неосознанно, повинуясь какому-то безумному порыву, он протянул руку. Ему безумно, до боли хотелось коснуться этой бархатистой кожи. Хотя бы раз. Один-единственный раз...

"Он ведь спит... Если я просто слегка коснусь его пальцами, он и не почувствует. Ничего не случится"

Он медленно, сантиметр за сантиметром, приближал дрожащие пальцы к точёной скуле принца.

Но стоило ему занести ладонь в паре вершков от щеки мужчины, как Бянь Му резко распахнул глаза. С молниеносной быстротой воина он перехватил запястье юноши.

Спросонья Бянь Му не разобрал, кто перед ним. Расценив жест как нападение, он с силой рванул чужую руку на себя. Юйчи Ган не удержал равновесия и с громким плеском рухнул прямо в огромную кадку.

Только когда мокрый вихрь брызг улегся, Бянь Му разглядел нарушителя своего покоя.

Юйчи Ган, отчаянно барахтаясь, с трудом вынырнул на поверхность. Смахивая заливавшую глаза воду, он испуганно уставился на принца.

По счастью, дубовая лохань была поистине исполинских размеров, да и сам Юйчи Ган, хрупкий и изящный, занимал совсем немного места.

Сложив руки на груди, Бянь Му смерил промокшего до нитки юношу холодным, оценивающим взглядом.

— Говори, что ты задумал?

— Я... ничтожный... я лишь хотел подлить Вашему Высочеству горячей воды...

— Воды подлить? И для этого нужно было тянуть свои пальцы к моему лицу?

Юйчи Ган онемел. Язык словно прирос к гортани, а в голове не осталось ни единой связной мысли.

— Ваше... Ваше Высочество... вы так прекрасны, — едва слышно выдохнул он и тут же испуганно втянул голову в плечи.

— Раз ты так меня боишься, зачем вообще приблизился? — прищурился Бянь Му.

Глядя на это перепуганное создание, которое дрожало в воде всем телом и не смело поднять на него глаз, Бянь Му почувствовал странное смятение.

— Я... я знаю, что вы вовсе не такой злодей, как болтают досужие языки. На самом деле... Ваше Высочество очень добрый, — набравшись смелости, Юйчи Ган прямо посмотрел в тёмные глаза принца.

Бянь Му на мгновение опешил. Ему отродясь никто не говорил подобных слов. Да и кто бы посмел назвать грозного принца Луаня «добрым»? А потом в памяти всплыл недавний случай... Кажется, тогда его называли «нежным» — и это тоже был он.

Бянь Му внезапно переменился в лице. Подозрительность взяла верх над удивлением. Он подался вперёд и мёртвой хваткой вцепился в тонкую шею юноши:

— Отвечай, кто ты такой на самом деле?! Чего ты добиваешься?!

Юйчи Гану едва исполнилось двенадцать. Годы упорных тренировок и занятий танцами сделали его тело невероятно гибким, но хрупким, точно у молодой девушки. Разве мог он сопротивляться опытному воину?

Такой ярости он не ожидал. Воздух мгновенно перекрыло. Парень судорожно обхватил пальцами держащую его руку, пытаясь разжать стальной захват, но из последних сил сдерживал себя, чтобы не ударить принца.

Юйчи Ган стремительно багровел, в его глазах заметался смертный ужас. Понимая, что ещё секунда — и хрупкая шея просто переломится, Бянь Му разжал пальцы.

Освободившись, юноша судорожно хватал ртом воздух, со свистом втягивая его в опалённые лёгкие. Его била крупная дрожь.

— Советую тебе не замышлять дурного. Иначе твоя смерть будет долгой и мучительной, — ледяным тоном процедил Бянь Му.

Выбравшись из кадки, принц накинул просторный халат и, даже не взглянув на несчастного, стремительно покинул купальню.

Юйчи Ган остался один. Он сидел в остывающей воде, сотрясаясь от мучительного кашля.

Старейшина Дин, заметив торопливый уход принца, затревожился: его подопечный всё не появлялся. Позабыв про большую поясницу, старик поспешил в мыльню. Картина, представшая его взору, заставила его сердце ёкнуть от ужаса: промокший до нитки мальчик сидел в бочке, а на его бледной шее багровели отчётливые следы пальцев.

Дрожащими руками старик помог Юйчи Гану выбраться и тут же кликнул Дин Пинцзы. Вдвоём они увели израненного юношу обратно в его каморку под крышей.

К счастью, обошлось без серьёзных травм. Переодевшись в сухое платье и осушив волосы,

Юйчи Ган сидел на краю постели. Лишь синяки на шее напоминали о недавней вспышке гнева хозяина башни.

"Он действительно... хотел меня убить? Тот самый нежный, благородный принц из моих воспоминаний... готов был лишиться меня жизни без тени сомнения?"

— Мудрое дитя? — тихо окликнул его Дин Пинцзы. — Отец сварил тебе имбирный отвар. Выпей, пока горячий, чтобы не простудиться.

— Оставь там...

По лицу Пинцзы было видно: его так и подмывало расспросить о случившемся, но строгий наказ старейшины Дина «не лезть не в своё дело» держал его язык за зубами.

Поняв, что ответа он не дожждётся, Дин Пинцзы лишь тяжело вздохнул, поставил пиалу на столик и беззвучно вышел.

Юйчи Ган остался один в полумраке комнаты. Кончиками пальцев он бережно коснулся саднящей кожи на шее, словно пытаясь заново ощутить ту стальную, беспощадную хватку. Разум отказывался верить, что эти руки принадлежали его принцу.

Тем временем Бянь Му, покинув башню Хайхуа, вихрем домчался до поместья принца Луаня.

— Где мой сыночек?! Где мой Юй-эр?! — Визгливый, полный истеричной ярости голос госпожи У встретил его у самых ворот. Женщина буквально перегородила ему дорогу.

Он даже не успел сойти с коня, как мачеха уже засыпала его обвинениями, брызжа слюной от злости.

Бянь Му окинул её ледяным, полным презрения взглядом. Не говоря ни слова, он резко натянул поводья, развернул скакуна и пустил его в галоп, оставив мачеху глотать дорожную пыль.

— Мерзавка! Ты же божилась, что он поехал вызволять моего мальчика! — Госпожа У в ярости обрушилась на стоявшую позади У Цюян, залепив той звонкую пощёчину.

— Я... верно, что-то стряслось по дороге! Наверняка! — У Цюян прижала ладонь к горячей щеке. Откуда ей было знать, что капризный принц передумает на полпути?

Выместив злость, госпожа У злобно сплюнула под ноги и зашагала обратно в свои покои.

Бянь Му мчался во весь опор, пока конь не вынес его на вершину холма, возвышавшегося над городом.

Когда-то очень давно, ещё в детстве, покойный отец часто приводил его сюда. Здесь, на самом пике, раскинулось просторное плато. Весной оно сплошь покрывалось ковром из диких цветов, источавших тонкий, сладковатый аромат.

Но со дня кончины старого князя Бянь Му ни разу не ступал на эту землю. До сегодняшнего дня.

<http://bllate.org/book/20438/2122797>